

Судьба еврея на евразійскомъ пространствѣ: Между ненавистью и непониманіемъ. Роль наслѣдія Михаила Выгона въ пониманіи преслѣдованія евреевъ въ Крыму въ XX вѣкѣ
A Jew's Fate in Eurasian Space: Between Hatred and Misunderstanding. Role of Mikhail Vygon's Legacy in Understanding Persecution of Jews in Crimea in Twentieth Century

Vladimir M. Moskovkin¹

Vladimir M. Moskovkin,
PhD, Dr habil (Geography),
Professor, Belgorod State University,
World Economy Department,
Director, Centre for Development of Publication Activity,
Russia

Article No / Номеръ статьи: 010310124

For citation (Chicago style) / Для цитирования (стиль «Чикаго»):

Moskovkin, Vladimir M. 2021. "A Jew's Fate in Eurasian Space: Between Hatred and Misunderstanding. Role of Mikhail Vygon's Legacy in Understanding Persecution of Jews in Crimea in Twentieth Century." *Eur Crossrd* 2, 010310124.

¹ Please send the correspondence to e-mail: moskovkin@bsu.edu.ru.

Permanent URL links to the article:

HANDLE: 20.500.12656/eurcrossrd.2.010310124

<http://eurcrossrd.ru/pdf/Vol.%202.%20Issue%201.%20010310124%20RUS.pdf>

Received in the original form: 3 September 2020

Review cycles: 2

1st review cycle ready: 17 October 2020

Review outcome: 2 of 3 positive

Decision: To publish with major revisions

2nd review cycle ready: 24 November 2020

Accepted: 30 November 2020

Published online: 3 December 2020

ABSTRACT

Vladimir M. Moskovkin. *A Jew's Fate in Eurasian Space: Between Hatred and Misunderstanding. Role of Mikhail Vygon's Legacy in Understanding Persecution of Jews in Crimea in Twentieth Century.* In the article, I investigate the role of prosaic oeuvres and memoirs of the famous but now forgotten Yalta-born writer, public figure and teacher of Jewish origin Mikhail Josifovich Vygon (1924-2011) in the reconstruction of the Jewish genocide in Crimea by Nazi criminals during the Great Patriotic War, as well as the later political oppression of Jews in the Soviet Union. An especial attention is paid to Vygon's testimony of atrocities of the Russians and Ukrainians to the Jews during the German occupation of Crimea. As a result of studying the unpublished works of Vygon, I conclude that the Yalta writer was pessimistic about the future fate of the Jews in Eurasia. Only the formation of the State of Israel in 1948, according to Vygon, where he emigrated in 1991 after the collapse of the Soviet Union, put an end to the almost universal political, cultural and social persecution of the Jewish nation in Eurasia.

Key words: Jews, Judaism, political persecution, national discrimination, ethnic nationalism, Crimea

РЕЗЮМЕ

Владимирь Михайловичь Московкинъ. Судьба еврея на евразійскомъ пространствѣ: Между ненавистью и непониманіемъ. Роль насльдїя Михаила Выгона въ пониманіи пресльдванія евреевъ въ Крыму въ XX вѣкѣ. Въ статьѣ изслѣдуется вопросъ о роли прозаическихъ произведеній и мемуаровъ знаменитаго, однако забытаго сегодня ялтинскаго писателя, общественнаго дѣятеля и учителя еврейскаго происхожденія Михаила Юсифовича Выгона (1924-2011) въ реконструкціи еврейскаго геноцида въ Крыму нацистскими преступниками во время Великой Отечественной войны, а также позднѣйшаго политическаго притѣсненія евреевъ въ Советскомъ Союзѣ. Особое вниманіе удѣлено свидѣтельствамъ Выгона о звѣрствахъ русскихъ и украинцевъ во время нѣмецкой оккупации Крыма. Въ результатѣ изученія неизданныхъ трудовъ Выгона авторъ дѣлаетъ выводъ о томъ, что ялтинскій писатель былъ пессимистично настроенъ въ отношеніи измѣненія судьбъ евреевъ въ Евразіи. Только образованіе государства Израиль въ 1948 году, согласно Выгону, куда онъ эмигрировалъ въ 1991 году послѣ распада СССР, положило конецъ практически повсемѣстному политическому, культурному и соціальному пресльдванію еврейской націи въ Евразіи.

Ключевыя слова: евреи, іудаизмъ, политическія пресльдванія, національная дискриминація, этнической націонализмъ, Крымъ

Михаилъ Юсифовичъ выгонъ (1924-2011) – замѣчательный ялтинскій учитель, литераторъ и общественный дѣятель. Онъ около сорока лѣтъ увлеченно и самоотверженно работалъ на нивѣ учительства и литературнаго труда на Южномъ берегу Крыма (1950-1991), и оставилъ послѣ себя добрую память. До сихъ поръ въ кругахъ ялтинской интеллигенціи помнятъ его великолѣпныя публичныя лекціи и обзоры книжныхъ новинокъ, которыя онъ дѣлалъ въ Домѣ учителя и въ Ялтинской библіотеки имени А. П. Чехова.

Онъ преподавалъ въ СОШъ №6, въ которой я учился съ 1959 по 1969 годъ, но, къ сожалѣнію, не въ моемъ классѣ, но мой старшій братъ и старшая сестра учились у него и всегда говорили о немъ съ любовью и восхищеніемъ. Въ ялтинскихъ интеллектуальныхъ кругахъ о немъ ходила молва, какъ о талантливомъ литераторѣ и чуткомъ педагогѣ.

Его традиціи въ нашей школѣ, а также вездѣ, гдѣ работаютъ его ученики, поддерживаются до настоящаго времени. Такъ, въ репортажѣ «75 лѣтъ исполнилось СОШ № 6» (Курьерскія новости, 2007) отмѣчалось, что традиціи М. И. Выгона до сихъ поръ поддерживаетъ выпускница этой школы Людмила Моисеевна Бинштокъ. Это дочка знаменитаго ялтинскаго туберкулезнаго врача Моисея Самойловича Бинштока, который еще до войны руководилъ клиникой гортаннаго туберкулеза въ Государственномъ институтѣ медицинской климатологии и климатотерапіи (ГИМКК, Ялта), пущеннаго на вѣтеръ послѣ развала СССР.

Семья Бинштоковъ жила недалеко отъ меня въ Народномъ переулкѣ (до революціи и сейчасъ Потемкинскій переулокъ), напротивъ Ялтинскаго туберкулезнаго диспансера, кото-

рый до войны, а возможно и позже, был структурным подразделением вышеуказанного института. Они жили на первом этаже добротного двухэтажного еврейского дома с красивыми ажурными дверями и белой балюстрадой, на входной массивной двери красивая желтая табличка с надписью «доктор Биншток». На втором этаже жили известные ялтинские врачи Лифшицы (муж и жена), с их детьми – Юрой и Сережей – я дружил в детстве. Глава семьи – Александр Маркович Лифшиц (1927-1995), был потомственным патологоанатомом, организатором Ялтинской патологоанатомической службы, доктором медицинских наук.

Естественно, что после революции этот дом пытались национализировать, но новой власти то же нужны были профессионалы, особенно в чахоточном Крыму. Сразу же вспоминается история профессора Преображенского в произведении Булгакова «Собачье сердце».

Почему все это так важно? Потому, что Бинштоки, Лифшицы и другие ялтинские еврейские интеллектуалы были ближайшим окружением Выгона. Чтобы не пропасть по одиночке, евреи крепко держались друг за друга, в отличие от проживавших там русских людей. Но были среди русских и те, кто искренне тяготел к евреям. В одном из писем харьковского поэта Бориса Чичибабина (1923-1994) к ялтинскому писателю Станиславу Славичу (1925-2013) я прочитал следующее стихотворение, которое привожу с сокращениями:

*Благодарствую, други мои,
за приветливые лица.
Пусть, светла от взаимной любви,
наша подлинность длится.
Будьте вечно такие, как есть, –
не борцы, не пророки, –
просто люди, за совесть и честь,
отсидевшие сроки.*

...
*Видно, в правду такие чаи –
уголовное время,
что все близкие люди мои
поголовно евреи.
За молчанье разрозненных дней,
за жестокие версты,
обнимите меня посылкой
мои братья и сестры.
Но и все же не дай вам Господь
уэзжать из России.*

...
*Нашей жажде все чаши малы,
все что есть, вроде чуши.*

*благодарствую, други мои
за правдивыя души.*

Оно написано примѣрно въ 70-ые годы. А вотъ старое стихотвореніе, которое можно прочесть на вѣбъ-сайтѣ Chichibabin.ru, посвященное еврейскому народу. Приведу концовку:

*... Не родись я Русью, не зовись я Борькой,
не водись я съ грустью золотой и горькой,
не ночуй въ канавахъ, счастьемъ обуянный
не войдя я навѣкъ частью безымянной
въ русскія трясины, въ пажити и въ рѣки, –
я бѣ хотѣлъ быть сыномъ матери-еврейки.*

Стихотвореніе написано въ 1945 г. И это въ обоихъ случаяхъ пишетъ русскій человѣкъ! А какъ могло быть иначе, если этотъ человѣкъ столько горя натерпѣлся отъ русскихъ людей, сидѣлъ 5 лѣтъ въ тюрьмѣ, а отъ евреевъ онъ получалъ только добро, несмотря на ихъ не меньшія страданія. Причины, по которымъ я здѣсь вспомнилъ о Чичибабине и Славичѣ, будутъ понятны ниже.

Наиболѣе извѣстны четыре литературовѣдческихъ труда Михаила Іосифовича Выгона:

1. Выгонъ М. И. Романъ А. Фадѣева «Молодая гвардія» въ X классѣ: (изъ матеріаловъ VI обл. пед. чтеній) / Крымскій обл. отд. нарѣ. образованія. Институтъ усовершенствованія учителей. – Симферополь, 1956. – 47 с.
2. Выгонъ М. И. Сюжетъ и композиція романа К. А. Федина «Братья» въ свѣтѣ его творческой исторіи // Извѣстія Крымскаго педагогическаго института имени М. В. Фрунзе. – Т. XXVI, Вып. 4. – Симферополь, 1957.
3. Выгонъ М. И. Пушкинъ въ Крыму. – Симферополь: Таврія, 1974. – 72 с.
4. Выгонъ М. И. Крымскія страницы жизни и творчества Л. Н. Толстого. – Симферополь: Таврія, 1978. – 157 с.

Отмѣтимъ, что одинъ экземпляръ первой книги поступилъ въ РГБ 20.10.2012 г., одинъ экземпляръ третьей книги - въ Калифорнійскій университетъ и оцифрованъ тамъ 24 апрѣля 2007 г., одинъ экземпляръ четвертой книги - въ Мичиганскій университетъ и оцифрованъ тамъ 6 декабря 2006 г., эта же книга хранится въ библиотекѣ университета Вирджинія.

На сайтѣ amazon.com имѣется компьютерный переводъ третьей книги съ заголовкомъ Vygon M. I. Pushkin v Krymu / Vygon M. I. / Pushkin in the Crimea.

Послѣдніе двѣ книги хорошо извѣстны литературовѣдамъ и часто цитируется, а самого М. И. Выгона называютъ пушкинистомъ, отдавая дань его небольшой и содержательной книгѣ о Пушкинѣ.

На еврейскомъ сайтѣ newswe.com Интернетъ-газеты «Мы здѣсь» (создана въ 2005 году въ Нью-Йорке еврейскимъ совѣтскимъ поэтомъ, журналистомъ и переводчикомъ Леонидомъ Борисовичемъ Школьникомъ (1945-2019)) есть интересный матеріалъ о М. И. Выгонѣ. Здѣсь же его очеркъ объ Іосифѣ Керлерѣ (1918-2000, извѣстный совѣтскій и еврейскій поэтъ, писавшій на идишѣ). Приведены уникальныя біографическія данныя: «Михаилъ Іосифовичъ

Выгонъ, родъ. 26.01.1924 въ Руднѣ Смоленской обл., умеръ 03.01.2011 въ Ашдоде (Израиль). Его книга «Еврейское счастье въ степи подъ Джанкоемъ» опубликована въ Израиль въ 2004 г. Впервые выставлена въ Интернетѣ 04.05.2012 благодаря внуку автора Даніэлю Гольдштейну, подготовившему текстъ къ публикаціи въ Интернетѣ». Съ его отцомъ Александромъ, по прозвищу Гоша, я общался въ старшихъ классахъ школы на математической почвѣ (математическія олимпиады, математическая секція ялтинскаго отдѣленія Малой академіи наукъ Крыма). Я быстро нашель эту книгу въ Интернетѣ (91 стр.), она впечатляетъ и обезкураживаетъ.

Fig. 1. Mayfeld hamlet in mid-1930s.

© YIVO Institute for Jewish Research; http://evkol.ucoz.com/m_vygon.htm

Въ селѣ Майфельдъ подъ Джанкоемъ жили бокъ о бокъ русскіе и евреи, въ началѣ войны нѣмцы готовятся разстрѣлять и разстрѣливаютъ въ этомъ селѣ 1500 евреевъ, и тутъ же скрытая ненависть къ евреямъ выльзаетъ наружу. Многіе украинцы и русскіе пособничаютъ нѣмцамъ въ ихъ звѣрствахъ (доносятъ, грабятъ, закапываютъ трупы и т. д.). Авторъ описываетъ эту извѣстную ненависть къ евреямъ и благодаритъ Бога, что у нихъ появилась своя земля, въ видѣ государства Израиль. Его забрали туда дѣти сразу же послѣ распада СССР въ

1991 г.

Въ газетѣ «Еврейскій камертонъ», 6 и 11 октября 2005 г. опубликованъ его очеркъ «Быль въ Крыму еврейскій поселокъ...». Похоже, онъ вошелъ въ его вышеуказанную книгу. Эта книга активно обсуждалась на форумѣ j-roots.info сайта «Еврейскіе корни». На нёмъ 8 іюня 2012 г. Любовь Гиль поблагодарила тѣхъ, кто предоставилъ возможность читать книги: М. И. Выгонъ «Еврейское счастье въ степи подѣ Джанкоемъ»; Э. И. Соломоникъ «Евреи Крыма». Сразу же послѣ этой благодарности авторъ подѣ никомъ Timer написалъ: «Вчера прочиталъ воспоминанія М. Выгона (www.evkol.nm.ru/m_Vygon.htm). Получилъ истинное удовольствіе. Давно такого текста не читалъ. Чувствуется крѣпкая рука мастера – профессиональнаго писателя. Присоединяюсь къ Вашей благодарности».

18 іюня 2012 г. Іосифъ Галугинъ на этомъ форумѣ пишетъ: «Перечиталъ эту повѣсть Выгона трижды и не могу не выразить своего восхищенія его памятью: сотни фамилій невинныхъ людей, которые погибли, возникаютъ подѣ его перомъ изъ небытія, талантливыя зарисовки изъ дѣтства о родномъ колхозѣ, жизнь колхозниковъ въ послѣвоенное время».

Хочется привести изъ этой книги наиболѣе сильныя строки:

Всѣ эти пашко и бобенки, максакі и постенки, килбасы и кантемировы жили вмѣстѣ съ нами, гуляли на еврейскихъ свадьбахъ, пѣли еврейскія пѣсни, влюблялись и крутили деревенскія романы, а когда пришла бѣда, никто изъ нихъ не спасъ ни одного изъ 1500, ни одного!». Въ другомъ мѣстѣ онъ еще разъ не менѣе сильно и пронзительно пишетъ объ этомъ: «Никто изъ мѣстныхъ жителей не спасъ ни одного еврея, не спряталъ ни одного ребенка, не приютилъ хотя бы на часъ, не накормилъ, не пригрѣлъ. А вѣдь всѣ эти люди пришли въ еврейскій колхозъ во времена голодомора на Украинѣ, пришли голые и босые, нищіе, обездоленные (Vygon 2004).

Страшно и безъ содроганія невозможно читать этѣ строки.

Авторъ, 17-ти лѣтній юноша, свидѣтель этихъ звѣрствъ, конечно, въ то время могъ не понимать сути происходящаго. Но позже, уже въ зрѣломъ возрастѣ, онъ эту суть, какъ и любой другой еврей, не высказываетъ изъ этическихъ соображеній. Это долженъ сдѣлать другой, человекъ нееврейской національности. А суть простая. Извѣстно, что евреи были гонимы вездѣ и во всѣ времена. Это ихъ все больше консолидировало, заставляло держаться вмѣстѣ, помогая другъ другу. Чтобы выжить, они были вынуждены усердно трудиться, приспособливаться къ чужой обстановкѣ, хорошо учиться, хорошо учить и воспитывать въ своихъ традиціяхъ дѣтей, помогая имъ во всемъ. Всѣ это закрѣплялось на генномъ уровнѣ. Въ результатѣ еврейская нація въ интеллектуальномъ, духовномъ и моральномъ планѣ превзошла всѣ другіе. Это, естественно, вызывало неприязнь, зависть и ненависть со стороны послѣднихъ. Получается замкнутый кругъ, мы приходимъ къ тому съ чего начали. Выходить, что евреи изначально были умнѣе и сильнѣе духомъ, чѣмъ остальные народы. Недаромъ говорятъ о еврейскомъ народѣ, какъ о богоизбранномъ.

Но вернемся снова къ очерку М. И. Выгона объ Іосифѣ Керлерѣ, съ которымъ онъ былъ знакомъ съ дѣтскихъ лѣтъ по Майфельду, черезъ четверть вѣка въ 1962 году встрѣтился съ нимъ въ Ялтѣ въ домѣ своего друга Станислава Славича, котораго привелъ туда изъ Ялтинскаго дома творчества Литфонда Викторъ Некрасовъ (1911-1987), и общался съ нимъ,

уже съ тяжело больнымъ, только по телефону въ Израилѣ. Вернемся не столько къ очерку, сколько къ комментаріямъ къ нему. Но прежде скажемъ, что Иосифъ Керлеръ, помимо своего поэтического дара, героическаго участія въ Великой Отечественной войнѣ и каторжныхъ работъ въ сталинскихъ лагеряхъ, былъ знаменитъ тѣмъ, что въ 1970 году написалъ неожиданно для всѣхъ открытое письмо Правительству СССР и лично А. Н. Косыгину съ единственной просьбой – «Отпустите насъ домой!». М. И. Выгонъ приводитъ впечатляющія благодарственные строки изъ этого письма:

Вѣрьте намъ: никто больше насъ не будетъ преданъ благородной памяти о той Землѣ, которая приютила нашихъ дѣдовъ и прадедовъ въ годы долгихъ скитаній. Никто не можетъ быть больше благодаренъ совѣтскимъ народамъ, внесшимъ самый большой вкладъ въ дѣло освобожденія всего человѣчества отъ фашистской чумы. Каждый изъ насъ честно и самозабвенно трудился и воевалъ за землю, ставшую намъ родной. Объ этомъ никогда не забудемъ, покидая предѣлы Россіи (Vygon 2004).

Это честный и искренній отвѣтъ всѣмъ тѣмъ, кто ненавидитъ все совѣтское.

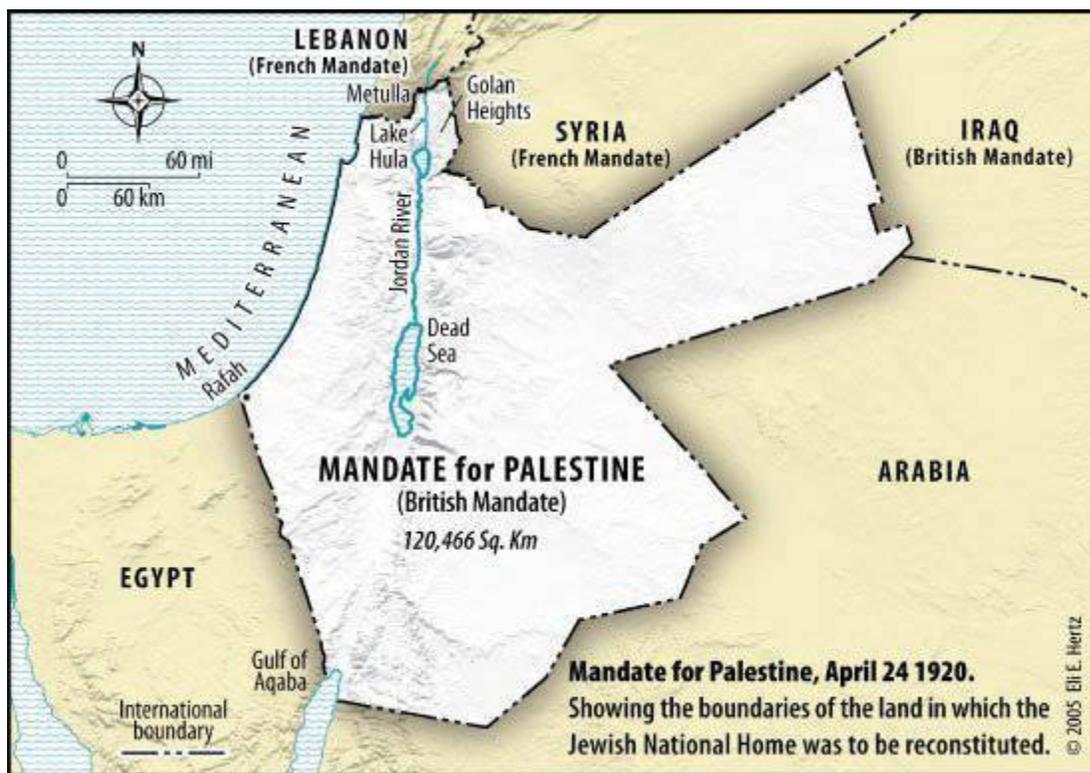

Fig. 2. British Palestine in 1920 when the idea about the Jewish State arose in London for the first time.
© Eli Hertz

Итакъ, въ комментаріяхъ читаемъ: «Замѣчательный, пронзительный очеркъ. Тѣ, кто выросъ въ идишскихъ семьяхъ – понимаютъ это» (Юрій Кацъ, 29.06.2012). На сайтѣ, къ со-

жалѣню, не показана дата публікації цього очерка, но судя по этому первому коментарію онъ былъ написанъ М. И. Выгономъ въ Израилѣ въ іюнѣ 2012 года.

А вотъ коментаріи его выпускниковъ о немъ: «Михаилъ Іосифовичъ Выгонъ – это имя уже 35 лѣтъ незабываемо въ моей памяти. Онъ былъ моимъ учителѣмъ въ Ялтѣ въ школѣ № 6 по литературѣ. Когда М. И. Выгонъ начиналъ свой урокъ, я съ открытымъ ртомъ слушала его рассказы, онъ такъ могъ воплотиться въ персонажъ героя, какъ артистъ, съ интонаціей, рассказывая о данномъ произведеніи, заинтриговывая такъ, что хотѣлось прочитать это произведеніе...» (Таня Хлопукъ, выпускъ 1981 г., 19.05.2015); «Михаилъ Іосифовичъ Выгонъ - мой учитель литературы въ г. Ялта, каждый его урокъ литературы, это какъ посѣщеніе театра» (Гость, 15.03.2015); «Михаилъ Іосифовичъ былъ не только моимъ учителемъ литературы, но и мамы моей. Всегда съ тепломъ вспоминаю его уроки, гениальный учитель; вѣдь онъ даже и учебники наши редактировалъ и заставлялъ насъ думать...» (Алена, 19.05.2015).

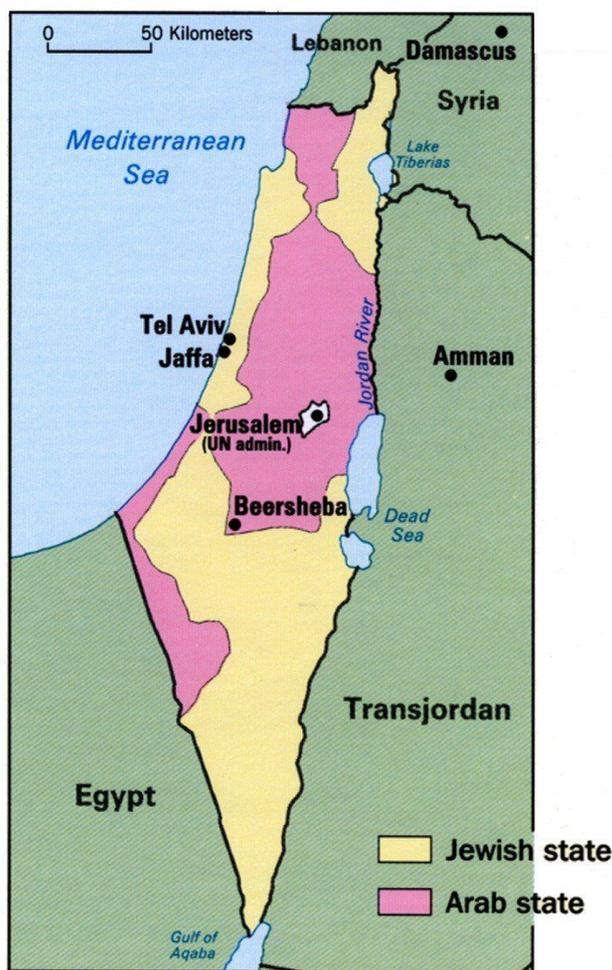

Fig. 3. Establishing Israeli State in 1948.
© GlobalSecurity.org

Покажите мнѣ сейчасъ классъ, гдѣ бы дѣти разинувъ ротъ слушали учителя? А въ совѣтское время это были не единичные случаи, что говорить о качествѣ тогдашняго образованія въ цѣломъ. Недаромъ это признали американцы послѣ запуска перваго искусственнаго спутника Земли въ 1957 г., засылая въ СССР журналистовъ и агентовъ для изученія этого грандіознаго опыта. Дж. Ф. Кеннеди (1917-1963) тогда сказалъ, что Совѣты выиграли космическую гонку за школьными партами. Онъ это могъ почерпнуть у Отто фонъ Бисмарка (1871-1890), которому приписываютъ высказываніе «Войны выигрываются и проигрываются за школьными партами». Но на самомъ дѣлѣ эту мысль впервые высказалъ въ іюлѣ 1866 г. послѣ битвы при Садовѣ выдающійся нѣмецкій географъ, одинъ изъ основателей геоморфологии Оскаръ Пешель (1826-1875): «Народное образованіе играетъ рѣшающую роль въ войнѣ. Когда пруссаки побили австрійцевъ, это была побѣда прусскаго учителя надъ австрійскимъ школьнымъ учителемъ» (газета «Заграница»). Мнѣ это особенно пріятно отмѣтить, такъ какъ въ 1983 году защищалъ въ МГУ кандидатскую диссертацию по математическимъ методамъ въ геоморфологии у патріарха совѣтской геоморфологии Юрія Гавриловича Симонова (1923-2019).

Такіе педагоги, какъ Михаилъ Іосифовичъ Выгонъ, нутромъ понимали эту мысль, которую въ теченіе столѣтія (60-ые годы XIX вѣка - 60-ые годы XX вѣка) преподносили намъ великіе люди. Сейчасъ въ условіяхъ глобализаціи и доминированія неолиберальной доктрины качественное образованіе уже никому не нужно, а въ условіяхъ не извѣстно когда заканчивающейся пандеміи COVID-19 о школьныхъ партахъ можно уже забыть.

По воспоминаніямъ моего школьнаго ялтинскаго товарища, сейчасъ москвича, доктора экономическихъ наукъ Сергѣя Васильевича Пятенко, который учился въ Ялтинской СОШ № 12 съ 1965 по 1970 г., Михаилъ Іосифовичъ Выгонъ работалъ въ этой школѣ по совмѣстительству съ 1968-1970 гг. Основное мѣсто его работы было, какъ мы знаемъ, въ Ялтинской СОШ № 6, которую я окончилъ въ 1969 г. Нѣсколько лѣтъ назадъ Сергѣй Пятенко сообщилъ мнѣ важныя свѣдѣнія, изъ которыхъ слѣдуетъ, что уже въ 1950 г. М. И. Выгонъ работалъ въ Ялтинской СОШ № 6: «Въ концѣ 60-х годовъ моя родственница рассказывала, что училась она у Выгона въ 1950 г. «Намъ было 16 лѣтъ, а ему 25 и всѣ мы въ него влюблялись».

А вотъ еще одна отъ него, поразившая меня исторія:

Вспоминается одна исторія. Учитель русскаго языка и литературы М. И. Выгонъ съ 1950 года преподавалъ въ Крыму, въ школѣ г. Ялта. Проработалъ около 40 лѣтъ. Въ 1990-е годы дѣти вывезли этого уже пожилого челоѡка въ Израиль, гдѣ 20 лѣтъ спустя онъ и ушелъ въ міръ иной. Черезъ два дня въ редакцію мѣстной ялтинской газеты пришли люди, и по рекламнымъ расцѣнкамъ полностью выкупили вѣсь номеръ газетной площади для воспоминаній и рассказовъ объ этомъ Учителѣ. Слухъ быстро прошелъ по 150-ти тысячному городу. Въ общемъ, такой номеръ газеты былъ оперативно напечатанъ и молніеносно раскупленъ. Какъ ялтинскій ученикъ этого Учителя и свидѣтель данной ситуаціи, авторъ не могъ не воспользоваться слушаемъ рассказать эту исторію (Pyatenko 2017).

Я даже не могу себѣ представить, чтобы такое могло случиться съ кѣмъ-то послѣ его смерти, съ тѣмъ который до этого двадцать лѣтъ прожилъ вдали отъ своего роднаго города.

По недавнімъ воспоминаніямъ Алексѣя Славича-Приступы, сына извѣстнаго ялтинскаго писателя Станислава Кононовича Славича (1925-2013), «Выгонъ былъ ближайшимъ другомъ моего отца, они встрѣчались у насъ за чашкой чая почти каждую недѣлю».

На мой вопросъ объ интересѣ М. И. Выгона къ еврейскому вопросу онъ отвѣтилъ: «Въ совѣтское время Выгонъ еврейскимъ вопросомъ не слишкомъ-то интересовался, по крайней мѣрѣ, на теоретическомъ уровнѣ. Отецъ только упоминалъ, съ большимъ удивленіемъ, о его вдругъ появившейся религіозности». Онъ также сообщилъ мнѣ: «Частыя встрѣчи Выгона со Славичемъ происходили съ 1961 до начала-середины 70-х годовъ. Потомъ этѣ встрѣчи были рѣже (разъ въ мѣсяцъ), но продолжались онѣ, вродѣ бы, до его отъѣзда».

Какъ мы отмѣчали ранѣе, отъѣздъ его въ Израиль произошелъ въ 1991 г., а книгу по еврейскому вопросу онъ опубликовалъ въ Израилѣ черезъ 13 лѣтъ послѣ прибытія въ него въ 2004 г.

Въ 2017 г. Алексѣй Славичъ-Приступа передалъ мнѣ электронныя копіи писемъ и рукописныхъ стиховъ харьковскаго поэта Бориса Чичибабина, адресованныхъ его отцу.

Въ письмѣ на открыткѣ, вложенной въ конвертъ, датированнымъ 27.12.1973 г., мы можемъ прочесть: «Большой привѣтъ тому смѣшному и благородному преподавателю, который тогда былъ у васъ, и его женѣ». Безъ сомнѣнія это былъ Михаилъ Іосифовичъ Выгонъ. Въ концѣ большого письма безъ даты, отосланнаго изъ Судака (ориентировочно это письмо послано лѣтомъ 1974 г.) вмѣстѣ со своими стихами Чичибабинъ еще разъ написалъ: «Ну вотъ пока и всё. Передайте большой и особенный привѣтъ тому милому, восторженному и смѣшному человѣку, который былъ тогда у васъ, – и его женѣ. Написалъ бы онъ намъ – мы были бы рады. А пока обнимите ихъ за насъ и поцѣлуйте».

Какую еще лучше можно дать характеристику личности М. И. Выгона? Въ ней всё сказано, причемъ со словъ знаменитаго поэта, послѣ смерти котораго въ 1994 году Булатъ Окуджава (1924-1997) сказалъ: «Умеръ лучшій поэтъ Россіи».

Покажемъ теперь, какъ востребованы труды М. И. Выгона, какъ и гдѣ они используются и цитируются.

Ссылки на его труды мы видимъ на крупныхъ литературныхъ порталахъ. Напримѣръ, на порталѣ «А-S-Pushkin.ru» (2010-2020) въ большой статьѣ «Пушкинскія мѣста въ Крыму» изъ пяти ссылокъ, первой идетъ ссылка на книгу М. И. Выгона о пребываніи А. С. Пушкина въ Крыму. На порталѣ «Стихи.ru» размѣщена статья Нины Плаксиной «Гдѣ Пушкинымъ всё дышитъ и живетъ», въ которой изъ семи библиографическихъ ссылокъ одна идетъ на вышеуказанную книгу М. И. Выгона объ А. С. Пушкинѣ.

Ссылки на его книги имѣются во многихъ электронныхъ каталогахъ, библиографическихъ указателяхъ библиотекъ и музеевъ: Каталогъ на Регионална библиотека Сава Доброплодни (Сливень, Болгарія); карточный каталогъ Slavonic Library (мультиинституціональный DSpace ОА-репозитарій, поддерживаемый Національной библиотеккой Финляндіи, doria.fi); электронный каталогъ Армянской національной библиотекки (orac.flib.sci.am); WorldCat; Библиографическій указатель литературы (КЪ 185-летию со дня рожденія Л. Н. Толстого) Центральной городской библиотекки имъ. Л. Н. Толстого (Севастополь, 2013); электронныя каталоги РГБ, НЭБ, Научной библиотекки КРФУ имъ. В. И. Вернадскаго; Морской библиотекки имъ. адм. М. П. Лазарева (Севастополь); Корпоративной сѣти публичныхъ библиотекъ г. Харькова; Николаевской област-

ной бібліотечної асоціації, Самарської областної універсальної наукової бібліотеки; Государственной научной библиотеки Красноярского края; Запорозького національного технічного університету; Волинського інституту післядипломної освіти; Феодосійського музею древностей (old-museum.org) і других.

Трудь М. І. Выгона о Л. Н. Толстомъ вошелъ въ фундаментальній бібліографическій указатель литературы о М. Горькомъ (Valuiskaya et al. 2005). Въ этомъ указателѣ онъ показанъ подъ № 811 со ссылкой на с. 139-143, гдѣ рѣчь идетъ о встрѣчахъ М. Горькаго съ Л. Н. Толстымъ въ Гаспрѣ въ 1901 г. На трудъ М. І. Выгона объ А. С. Пушкинѣ мы видимъ ссылки въ книгахъ Т. І. Левичева (Levichev 2001), В. Кунина (Kunin 1987) и Н. А. Тархова (Tarkhov 1988).

На краевѣдческомъ порталѣ «krimoved-library.ru» въ обстоятельной статьѣ А. Ю. Меленко «Пишу, читаю... думаю о Крымѣ...» идетъ ссылка на книгу М. І. Выгона о А. С. Пушкинѣ. На этомъ же порталѣ въ статьѣ М. А. Гольденберга «Нацистскій оккупаційный режимъ въ Крыму (1941-1944 гг.)» упоминается книга М. І. Выгона объ еврейскомъ счастьѣ быть разстрѣляннымъ въ степи подъ Джанкоемъ (Vygon 2004), о которой мы подробно писали ранѣе.

Ссылки на двѣ книги М. І. Выгона объ А. С. Пушкинѣ и Л. Н. Толстомъ вошли въ «Спутникъ краевѣда» 1978 г. изданія (Sokolovsky and Stolbunov 1978). Ссылки на книгу выгона о Л.н. Толстомъ мы видимъ въ трудахъ В. Н. Чисникова (Chisnikov 2000; 2016) и В. В. Курьяновой (Курьянова 2015). Пушкинская тема М. І. Выгона прослѣживается въ академической статьѣ крупнаго крымскаго филолога и литературовѣда В. П. Казарина (Kazarin 1995) и въ книгѣ, составленной И. И. Петровой (Petrova 1996). Ссылки на труды М. І. Выгона объ А. С. Пушкинѣ и Л. Н. Толстомъ мы видимъ также въ кандидатской диссертациі Е. М. Коляды (Kolyada 2002).

Особо хочу отмѣтить, что трудъ М. І. Выгона «Пушкинъ въ Крыму» включилъ въ свой «Семинарій по Пушкину» (Харьковъ: Энграмъ, 1995) выдающейся совѣтскій и украинскій литературовѣдъ, педагогъ и публицистъ Леонидъ Генриховичъ Фризманъ (1935-2018), всю жизнь проработавшій въ Харьковскомъ педагогическомъ институтѣ (университетѣ) имени Г. С. Сковороды.

Относительно недавно на сайтѣ РГАЛИ появилась информация о поступленіи въ этотъ архивъ писемъ М. І. Выгона писателю Сергѣю Львовичу Львову (1922-1981, настоящая фамилія Гець): ф. 2289 оп. 2 ед.хр 217, крайніе даты: 18 января-16 августа, 1970, 6 писемъ, 7 листовъ.

Нѣсколько учебно-методическихъ статей М. І. Выгона опубликовано въ центральныхъ журналахъ (Vygon 1968; 2011). Послѣдній журналъ выходилъ въ Кіевѣ въ періодъ съ 1997 по 2013 годъ включительно, и любопытно, кто содѣйствовалъ въ публикаціи этой статьи автору ровно черезъ 20 лѣтъ послѣ его отъѣзда изъ Крыма въ Израиль?

На педагогическій опытъ М. І. Выгона какъ учителя новатора ссылаются выдающійся совѣтскій дидактикъ, теоретикъ педагогики, организаторъ образования, чл.-корр. АПН РСФСР (1950) Есиповъ Борисъ Петровичъ (1894 - 1967). Въ своей книгѣ «Самостоятельная работа учащихся на урокахъ» (полный текстъ этой книги размѣщенъ на сайтѣ elib.gnpbu.ru) онъ со ссылками на работы В. В. Литвиновой «Сочиненіе въ старшихъ классахъ какъ самостоятель-

ная работа» (1957) и А. А. Озеровой «О самостоятельности сочинений учащихся» (1957) так описывает его педагогический опыт:

Преподаватель литературы средней школы № 6 Ялты М. И. Выгон так формирует темы сочинений, что учащимся нельзя их написать, не произведя самостоятельной познавательной работы. Каждый ученик пишет на избранную тему. Все намеченные темы разбираются. И с каким интересом слушают все ученики класса сочинения своих товарищей! Каждому ученику хочется представить классу содержательное сообщение. Такая работа помогает ясному восприятию образов художественного произведения, определению своего отношения к разным действующим лицам, вдумчивому формированию идеи (Yesirov 1961).

Это говорит о том, что уже в тридцатилетнем возрасте Михаил Иосифович Выгон вошел в число лучших советских учителей-новаторов. Но сейчас, в условиях безудержной гонки за всем чем попало, этот опыт, к сожалению, уже никому не нужен. Хотя вроде бы сейчас, когда каждый второй – блоггер и интернет-журналист, надо бы писать тексты, о произведениях я молчу, болше-менше грамотно.

Мы множество раз упоминали небольшую книжечку М. И. Выгона, благодаря которой его считают известным пушкинистом, но она до сих пор не оцифрована и отсутствует в сети Интернет. Поэтому мы решили пройти по ее страницам в канун двухсотлетия со дня крымской ссылки Пушкина. Книжка интересна тем, что весь маршрут Пушкина из Санкт-Петербурга в Крым и обратно описан по дням. Это наводит на мысль о том, что можно было бы к этому юбилею сделать интерактивную карту путешествия Пушкина в Крым, которая была бы прекрасным междисциплинарным дидактическим материалом для учащихся по русской литературе, истории и географии. Нынешнее поколение молодежи уже смутно представляет, кто такой Пушкин, а следующее, боюсь, вообще о нем не вспомнит. К сожалению, заинтересовать этой идеей мне никак не удалось.

Ниже даю насколько можно сжатый и схематичный конспект семидесяти двух страницей книжки М. И. Выгона «Пушкин в Крыму» (1974) со своими комментариями и годами жизни известных людей.

Итак, выезд Пушкина 6 мая 1820 г. из Санкт-Петербурга в Екатеринославль. Далёко, Царское село → Великие Луки → Орша → Могилев → Киев (14 мая с остановкой у Раевских) → Екатеринославль (17 мая, знакомство с генералом И. Н. Инзовым). Отметим, что Иван Никитич Инзов (1768-1845) в 1818 г. был назначен главным попечителем и председателем Попечительского Комитета об иностранных колонистах Южной России, а с 1820 г. полномочным заместителем Бессарабской области. Под его присмотром состоял Пушкин.

28 мая выезд из Екатеринославля с Николаем Николаевичем Раевским (1771-1829) на Кавказские Минеральные воды. 30 мая в 17-ти верстах от Таганрога Пушкин впервые увидел Черное море.

13 августа Пушкин и Раевские в сопровождении вооруженного казачьего отряда проезжают Темрюк и останавливаются в Тамани. 15 августа 1825 г. Пушкин приезжает

въ Керчь, откуда отправляется въ Феодосію. По мнѣнію М.и. Выгона пушкинское опредѣленіе Тавриды «сторона важная и запущенная» навѣяно бесѣдами съ опальнымъ феодосійскимъ градоначальникомъ, извѣстнымъ любителемъ крымскихъ древностей Семеновъ Михайловичемъ Броневскимъ (1763-1830). Мы ранѣ упоминали, что книга М. И. Выгона «Пушкинъ въ Крыму» (1974) вошла въ электронный каталогъ Феодосійскаго музея древностей. Этотъ музей какъ разъ и былъ основанъ С. М. Броневскимъ.

18 августа онъ отплываетъ изъ Феодосіи на военномъ бригѣ «Мингрелія» въ Гурзуфѣ. «Ночью на корабль написалъ я Элегію», пишетъ Пушкинъ. Вдохновеніе вернулось къ поэту черезъ четыре съ половиной мѣсяца – «случай въ его біографіи чуть ли не единственный», писалъ М.и. Выгонъ.

Подъ «Элегіей» здѣсь имѣется ввиду стихотвореніе «Погасло дневное свѣтило». Первая впечатлѣнія Пушкина о Гурзуфѣ, которыя воспроизводитъ М. И. Выгонъ: «Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: разноцвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ, тополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-дагъ... и кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ, и воздухъ полуденный...». Кто-бы еще такъ написалъ?

Въ Гурзуфѣ Пушкинъ провелъ три недѣли въ домѣ герцога Ришелье (1766-1822), который, какъ мы знаемъ, въ то время уже жилъ во Франціи. Здѣсь М. И. Выгонъ вслѣдъ за А. Л. Бертье-Делагардомъ (1842-1920) развѣнчиваетъ разные рассказы и выдумки о пребываніи Пушкина въ Гурзуфѣ. Позднѣе, въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ», какъ пишетъ М.и. Выгонъ, Пушкинъ вспоминаетъ дорогу на Артекъ, вьющуюся надъ моремъ:

*Въ горахъ, дорогою прибрежной
Привычный конь его бѣжитъ,
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-дага.*

Сейчасъ въ окрестностяхъ Аю-дага – въ Артекѣ и Гурзуфѣ – затѣянъ грандіозный строительный бумъ, уничтожено уникальное урочище «Гуровскіе камни» съ персиковой долиной и краснокнижными растеніями, со средневѣковымъ татарскимъ кладбищемъ и скалистымъ пляжемъ. Это прямой ландшафтоцидъ и мы говоримъ – прощайте навсегда эти благословенныя пушкинскія мѣста.

Но вернемся къ тексту М. И. Выгона, онъ пишетъ: «Какъ не похожи стихи молодого Пушкина о Крымѣ на тѣ многочисленныя вирши, которыя наводнили журналы въ началѣ XIX вѣка!» Онъ отмѣчаетъ, что до конца жизни Пушкинъ пронесъ въ себѣ незабываемыя гурзуфскіе картины. Даже наканунѣ трагической гибели въ 1836 году онъ сдѣлалъ на бумагѣ набросокъ – стихотвореніе съ переложеніемъ надписи, видѣнной на одномъ изъ гурзуфскихъ фонтановъ («Путникъ, остановись и пей изъ этого фонтана...»):

*Кто бы ни былъ ты: пастухъ...
Рыбакъ, иль странникъ утомленный,*

Приди и ней.

Этот фонтанъ съ татарской надписью чудомъ сохранился до нашего времени, стоитъ на пыльной автодорогѣ по ул. Ленинградская.

Въ заключеніи пушкинской гурзуфской темы М. И. Выгонъ пишетъ: «И стихи его окружили этотъ неповторимый уголокъ Южнобережья ореоломъ высокой поэзіи: Гурзуфъ сталъ для насъ потомковъ и наслѣдниковъ Пушкина, священнымъ мѣстомъ необъятной земли нашей, хранящимъ память о самомъ великомъ изъ когда-либо жившихъ русскихъ поэтовъ. Въ говорѣ волнь, въ шепотѣ оливковой рощи, въ самомъ воздухѣ Гурзуфа живетъ частица пушкинской поэзіи, возвышающей своимъ прикосновеніемъ душу человѣка».

Сейчасъ больно до слезъ читать эти слова. Мы – неудавшіеся потомки и наслѣдники Пушкина – просто разбазарили свое культурное и природное наслѣдіе! Настоящіе потомки и наслѣдники, такіе какъ М. И. Выгонъ, уже умерли, а за время строительства російскаго «капитализма» выросло множество безмозглыхъ чиновниковъ и бизнесменовъ, которымъ безразличны пушкинскія и чеховскія мѣста Гурзуфа, какъ и всего того прекраснаго, что еще осталось на нашей землѣ.

5 сентября 1820 г. Пушкинъ покидаетъ гостепріимный домъ Ришелье вмѣстѣ съ Раевскимъ: «Всадники слѣдуютъ изъ Гурзуфа черезъ айданильскій лѣсъ по тропѣ до Никитскаго сада (созданъ въ 1812 г. герцогомъ Ришелье, прим. автора). Минуя Ялту, тогда маленькую деревушку на берегу моря, поднимаются къ Ауткѣ (поселокъ Чехова на окраинѣ современной Ялты), а оттуда черезъ Ореанду, Кореизъ, Мисхоръ слѣдуютъ до Алупки». И далѣе, «До Алупки шла колесная дорога, а дальше начинались, какъ вспоминаютъ современники Пушкина, пустынные мѣста съ глухой вьючной тропой между причудливыми нагроможденіями скаль. Тропа эта огибала у Симеиза гору Кошка, была узка и неудобна. Къ вечеру перваго дня путники достигли Алупки...». Далѣе, М. И. Выгонъ даетъ краткое описаніе Алупки, сдѣланное за полтора десятка лѣтъ до пребыванія здѣсь поэта Павломъ Сумароковымъ, а также приводитъ болѣе обширное и восторженное описаніе этого мѣстечка самимъ поэтомъ. Потомъ М. И. Выгонъ описываетъ путешествіе Пушкина по маршруту: Алупка → Симеизъ → Кикенеизъ (пос. Оползневое) → Чертова лѣстница (переваль Шайтанъ-Мердвень) → Яйла → Байдарская долина → Георгіевскій монастырь у мыса Фиолентъ → Бахчисарай (прибытіе 7 сентября 1820 г.) → Симферополь (прибытіе 8 сентября 1820 г.) → Одесса → Кишиневъ (прибытіе 21 сентября 1820 г.).

Пребываніе Пушкина въ Бахчисараѣ, естественно, описано авторомъ наиболѣе подробно. Здѣсь только отмѣтимъ, что Пушкинъ засталъ его вмѣстѣ съ ханскимъ дворцомъ въ очень плачевномъ состояніи. Впрочемъ, это и очевидно, учитывая сколько бѣдъ нанесли крымскіе татары русскимъ землямъ. Въ тоже время, другъ М. И. Выгона, талантливый ялтинскій писатель С. К. Славичъ въ своей запрещенной ранѣе «Киммеріи» писалъ, что въ концѣ XVIII вѣка на Крымъ нахлынули новые варвары. Какъ мы знаемъ, подобная исторія вновь произошла послѣ хорошо спланированнаго развала СССР и строительства примитивнаго капитализма.

Fig. 4. Mikhail Vygon.
© http://evkol.ucoz.com/m_vygon.htm

Учитывая значение Пушкина для русской и мировой культуры, его биографы и исследователи пытаются отследить каждый его шаг. В этой связи М. И. Выгон описывает любопытную версию крымского литератора М. А. Синюкова о пребывании Пушкина в Симферополь и дат его отъезда из него. Он отмечает, что журналист С. Шантырь в «Курортной газет» за 3 июня 1973 г. в статье «Когда поэт покинул Крым?» описывает предположения М. А. Синюкова, изложенные в 1966 году в доклад на одной из Пушкинских конференций. По его мнению, Пушкин пробыл в Симферополь не до 12-14 сентября, как считают биографы поэта, а до 17 сентября 1820 года. По словам М. И. Выгона, он делает этот вывод на основании путевых заметок литератора Гавриила Геракова (1775-1838), отмечая что 17 сентября 1820 года Гераков написал: «За обедом у Баранова были два шалуна С.-петербургских; говорили такой вздор, что все рады были, когда они уехали». Сам М. А. Синюков утверждал в своем доклад, что эти «два шалуна С.-петербургских» – Пушкин и Николай Раевский (младший).

Великолепный рассказ о двух шалунах Г. В. Геракова и смелая гипотеза М. А. Синюкова! Глянем в Интернет и посмотрим нашла ли она поддержку современных биографов и исследователей Пушкина, которые готовы до фанатизма отслуживать каждый «чих и вздох» великого поэта. Видим, что эта версия циркулировала в сети Интернет до 2011 года.

В заключении М. И. Выгон пишет: «Наше путешествие с Пушкиным по Крыму подошло к концу. Крым озарил немало приятных страниц его поэзии. Но и Пушкин заставил Россию по-новому взглянуть на этот край, привлечь к нему внимание всей страны,

утвердилъ его историческое значеніе для своей родины».

Уже со временъ Пушкина эта территорія царемъ и высшей аристократіей стала развиваться по концепціи «берегъ-паркъ», большевики продолжили ее развитіе въ концепціи «городъ-садъ», но а новоиспеченная буржуазія изъ-за жажды наживы превратила все въ прахъ, перенявъ худшіе образцы западной ландшафтной архитектуры. Поэтому сейчасъ Южный берегъ Крыма концептуально развивается, какъ «городъ-стекло-желѣзобетонъ», на большее ума не хватаетъ.

Въ годъ двухсотлѣтія путешествія Пушкина въ Крымъ, Издательскій домъ «БелГУ» по моему заказу оцифровалъ (23.11.2020) прекрасный трудъ моего земляка, учителя Ялтинской СОШ № 6, и я попытаюсь размѣстить его на достойномъ Пушкинскомъ порталѣ, на примѣръ, на сайтѣ «Пушкинского дома».

Несмотря на то, что педагогическая дѣятельность Михаила Іосифовича Выгона еще въ 50-ые годы была высоко оцѣнена его коллегами отъ простыхъ учителей до профессоровъ, званіе заслуженнаго учителя какого-либо территориального статуса ему не присвоили, хотя по-настоящему творческому человѣку, который горитъ своимъ дѣломъ, оно не нужно. Но сейчасъ, послѣ смерти замѣчательнаго учителя, городскія власти могли бы увѣковѣчить его имя. Такіе творческіе и великіе люди, какъ М. И. Выгонъ, намного вѣсомѣе, чѣмъ череда смѣняющихся другъ друга мэровъ, удачливыхъ бизнесменовъ, шоуменовъ или спортсменовъ – героевъ нашего времени.

Въ приложеніи 1 (Supplementary 1) представленъ неопубликованный очеркъ «Учитель Михаилъ Выгонъ» совѣтскаго и украинскаго прозаика Станислава Кононовича Славича, написанный имъ 2003 году. Авторъ благодаритъ сына писателя Алексѣя Станиславовича Славича-Приступу за предоставленный матеріаль.

Въ приложеніи 2 (Supplementary 2) приводится отвѣтъ Михаила Выгона другу, напечатанный въ «Крымской газетѣ» отъ 8 іюля 2005 года. Авторъ благодаритъ библиографовъ Ялтинской центральной городской библіотеки им. А. П. Чехова за предоставленный матеріаль.

Funding. This work did not receive any specific financing from any governmental, public, commercial, non-profit, community-based organisations or any other source.

Conflicts of interest. None declared.

REFERENCES

- Chisnikov, V. N. 2000. "On the Meetings of Lev Tolstoy: Search and Discovery (Some Specifications to the Writer's Biography)." In *Tolstoy's Collection: 2000. 26th International Readings. Part II. Spiritual Heritage of Lev Tolstoy and Modernity*. Tula: Tula State Pedagogical University Press. In Russian.
- Chisnikov, V. N. 2016. "Memories of A. I. Kuprin and V. A. Danilov's Meeting with Lev Tolstoy." *Neva*, no. 10: 219-232. In Russian.
- Kazarin, V. P. 1995. "When did Pushkin first see the banks of the Crimea?" *Bulletin of the Pushkin Commission of the USSR Academy of Sciences*, no. 26: 185-192. In Russian.
- Kolyada, E. M. 2002. Palaces and parks of the Crimea, 19th - early 20th centuries, history of creation and stylistic characteristics. Candidate of Art History thesis (17.00.04). St Petersburg. In Russian.
- Kunin, V. 1987. *Pushkin's Life Told by Himself and His Contemporaries: Periodicals, Memoirs, Diaries*. In 2 volumes. Moscow: Pravda. In Russian.
- Kuryanova, V. V. 2015. "The Song of Sevastopol, or how the novice writer lieutenant, Count L. N. Tolstoy transformed the bloody battle on the Black River near Sevastopol to a carnival. *Voprosy Russkoy Literatury*, no. 2: 73-96. In Russian.
- Levichev, T. I. 2001. *Letters of A. S. Pushkin of the Southern Period (1820-1824)*. Moscow: Nauka. In Russian.
- Petrova, I. I. 1996. In the Crimea, Following Pushkin. St Petersburg: "Miniature", series "Library of Miniatures". In Russian.
- Pyatenko, S.V. 2017. Business Education in Russia. Moscow: Olymp-Business. In Russian.
- Sokolovsky, S. K., Stolbunov, A. A. 1978. *Local Expert's Guide*. Simferopol: Tavria. In Russian.
- Tarkhov, N. A. 1988. *Pushkin places: guide in 2 parts*. Moscow: Profizdat. In Russian.
- Valuiskaya, E. B., Mironenko, L. G. and A. S. Morshchikhina. 2005. Literature about M. Gorky. 1976-1990. Bibliographical index. St Petersburg: Science. In Russian.
- Vygon, M. I. 1968. A Schoolperson reads "War and Peace"... *Voprosy Literatury*, no. 2: 227-228. In Russian.
- Vygon, M. I. 2004. *Jewish Happiness in the Steppe near Jankoy*. No place: no publ. In Russian. Available from: http://evkol.ucoz.com/m_vygon.htm
- Vygon, M. I. 2011. F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" at School: Educational-methodological program. *Russian Language and Literature in Educational Institutions*, no. 6: 24-43. In Russian.
- Yesipov, B. P. 1961. *Independent work by students in the classroom*. Moscow: Uchpedgiz. In Russian.

EXTENDED SUMMARY

MOSKOVKIN, VLADIMIR M. A JEW'S FATE IN EURASIAN SPACE: BETWEEN HATRED AND MISUNDERSTANDING. ROLE OF MIKHAIL VYGON'S LEGACY IN UNDERSTANDING PERSECUTION OF JEWS IN CRIMEA IN TWENTIETH CENTURY.

MIKHAIL JOSIFOVICH VYGON (1924-2011) WAS A PROMINENT WRITER, EDUCATOR AND PUBLIC FIGURE OF THE JEWISH ORIGIN. He was born in Rudnya (Smolensk district, USSR) but spent his childhood in Mayfeld, a little Crimean hamlet near Jankoy. In the city of Yalta (Crimea) he has been working for the chief part of his life. A witness to bloody crimes against the Jewish nation during Great Patriotic War years, later he became a victim of the Soviet political persecution of Jews. His oeuvres remain mainly unpublished nowadays. In my paper, I study his literary inheritance, including his novel *Jewish Happiness in Steppe near Jankoy* published in Israel in 2004, as well as a number of his unpublished works and memoirs, to conceptualise his views on the fate of Jewish people in Eurasia in the twentieth century.

In his works, Mikhail Vygon gives detailed evidence of Nazi crimes against Jews in Mayfeld in 1942, where 1,500 Jews were murdered by Wehrmacht and SS forces with direct aid or remissness of Russian and Ukrainian neighbours. The majority of Mayfeld's population was Jewish in ethnic composition since 1920s, but many Russians and Ukrainians entered it as refugees from Ukraine during the Golodomor period in 1932-1933. Almost universal hatred to Crimean Jews prevented new Russian and Ukrainian inhabitants of Mayfeld and the rest of Jankoy region to give any aid even to one of these 1,500 slaughtered people. No child or aged person was spared, while the property of the executed Jews was expropriated mainly not by the Germans but by the Russian and Ukrainian citizens of Mayfeld.

Vygon's testimony refutes a well-known Soviet myth about the absence of Jews at the Soviet battle fronts during the Great Patriotic War.

Vygon's incomplete list of Mayfeld secondary school former students of the Jewish origin, that perished at the battle fronts as soldiers, includes: 1. Bogorad, Matvey, student of Leningrad Shipbuilding Institute. 2. Maria, Krichevskaya, a technical college student, a partisan who died in the Bryansk forests. 3. Rapoport, Abram, a student of Institute of Chemistry and Technology, died in 1942 in a partisan detachment in the Crimea. 4. Ingman, Shimon, a student, died in 1941. 5. Ryzhikov, Samuil, a student of Odessa Institute, died in a partisan detachment in 1942. 6. Khaikin, Boris, a zootechnician, died in the summer of 1941. 7. Ryzhikov, Lazar, an agronomist, went missing in 1942. 8. Voskoboynikov, Vladimir, a student, died in 1942. 9. Abramovich, Mishura, a 1941 graduate, died in Crimean mountains in a partisan detachment in spring 1942. 10. Balshin, Abram, a ninth-grade student, died in the Crimean partisan forests in autumn 1942. 11. Zaretsky, Yakov, a 1941 graduate, died as a Crimean partisan along with his father Mendel Zaretsky in 1942. 12. Garfshtein, Girsh, a 1941 graduate, died at the battle front in 1943. 13. Neuhman, Mikhail, a 1941 graduate, died in the battles for the Caucasus in 1942. 14. Dubin, Matvey, a 1941 graduate, died in battle for Novorossiysk in 1943. 15. Delevi, Boris, a 1938 graduate, died in the battles near Smolensk in autumn 1941. 16. Sorokin, Alexander, a 1938 graduate of a naval

school, died near Leningrad. 17. Weinstein, Israel, graduated from nine classes in 1941, died on the outskirts of Stalingrad in the autumn of 1942. 18. Daniman, Israel, who finished nine classes in 1941, died in November 1943 while forcing the Dnieper near Kiev. 19. Rosenberg, Mikhail, graduated from school in 1941 and went missing in 1943. 20. Wolfson, Heel, finished nine classes in 1941, went missing near Rzhev. 21. Levin, Zyama, finished nine classes in 1941, died in a partisan detachment in Belarus. 22. Dekhtyar, Abram, finished nine classes in 1941, died at the front in 1943. 23. Shuhr, Mikhail, finished ninth grade in 1941, died at the front and went missing.

This is the only testimony of Jankoy's Jews participation in military actions during World War II, that survived the later Soviet destruction.

After the Great Patriotic War, Crimean Jews faced a new threat of mass political persecution by Soviet authorities. Nobody was allowed to leave the country for the newly formed Jewish state of Israel. It was accompanied by the everlasting hate against Jews and misunderstanding of their motives to leave Soviet Union. Mikhail Vygon provided ample evidence about social and political activities of Iosif Kerler, his compatriot, famous poet, hero of the Great Patriotic War, who spent a part of his life in Stalin's penal servitude. It was Kerler who wrote the well-known open letter to Alexey Kosygin, prime-minister of Soviet Union in 1970, where he asked Council of Ministers and personally Kosygin to allow the Soviet Jews to leave USSR for Israel.

Mikhail Vygon formulated political views on the future fate of Jewish nation in Eurasia. According to him, only in the state of Israel the Jews may become the masters of their own destiny due to the presence of state force and will defending the interests of individual representatives of the Jewish people that remained scattered for the most part even in the second half of the twentieth century, being accumulated in new ghettos, e.g. in the Soviet Union or East European countries. He regarded establishing Israel in 1948 as a pivotal Eurasian socio-political event that ended almost two millennia of Jewish genocide in different countries of Eurasia. Though his works are not known widely, Mikhail Vygon must be regarded as a Zionist theoretician along such prominent figures as Theodor Hertzl, Moses Hess or Vladimir Zhabotinsky.

Author / Авторъ

Vladimir M. Moskovkin,
World Economy Department,
Belgorod State National Research University,
85 Pobedy st,
Belgorod, 308015 Russia

© Vladimir M. Moskovkin
Licensee *Eurasian Crossroads*

Licensing the materials published is made according to Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0) licence

УЧИТЕЛЬ МИХАИЛ ВЫГОН

Мне уже приходилось писать о Михаиле Иосифовиче Выгоне. Было это — страшно подумать! — без малого тридцать лет назад, в 1978 году. Рассказ назывался "Миша и дядя Песиков". Над ним и посвящение стоит — М.И.Выгону. Он по праву мог бы считаться соавтором этой истории о далеком довоенном прошлом, поскольку бросил зернышко во время наших посиделок, которые нередко затягивались до глубокой ночи. Зернышко проросло, но опубликовать рассказ удалось только в 1992 году и то в "полузаграничном" /Москва-Иерусалим/ альманахе "Ковчег". До этого его несколько раз выбрасывали из моих книжек. У себя дома, в Крыму, он был напечатан лишь недавно, в № 2-3 журнала "Берега Тавриды" за 2000-й год.

Но к чему я всё это? "Миша и дядя Песиков" — не единственная поучительная история, услышанная мною от Выгона. Вот ещё одна.

Как-то у моего щепетильнейшего друга неожиданно возникли сложности с анкетой. Выгон написал в ней всё как есть: фамилия, имя и отчество, год и место рождения... Разумеется, пресловутая пятая графа: еврей. Но вот следующий пункт вызвал у начальства недоумение и даже недоверие. На вопрос о социальном положении сержант М.И.Выгон /дело происходило на фронте/ ответил: колхозник.

Это ещё что? Еврей-колхозник или колхозник-еврей, как ни верти, а получается несурaziца. Не было таких. Так думало начальство. И ошибалось. Сержант-артиллерист М.И.Выгон, отличившийся в боях с фашистами на Северном Кавказе, в связи с чем и пришлось заполнять анкету, был действительно колхозником, выходящем из крымского Приазовья, где в первые годы советской власти евреи из разных городов и весей создавали на засушливых степных землях свои компактные поселения с пашнями и огородами, виноградниками и садами, со школами

на родном языке, клубами, библиотеками. После коллективизации здесь, естественно, возникли и колхозы. В позднейшие советские времена история эта старательно замалчивалась, а жаль — в ней было немало интереснейших страниц. Драматических, подчас трагедийных, но и светлых, полных несбывшихся надежд тоже.

Мне довелось общаться с людьми из тех мест и той эпохи. Замечательные, много на своем веку повидавшие и такие непохожие люди. Герой Социалистического Труда, знаменитый председатель не менее знаменитого колхоза "Дружба народов" И. Егудин и поэт-диссидент, прошедший все муки Гулага И. Керлер, например. Но услышанное от Выгона ни с чем не сравнимо. Его детские и юношеские воспоминания складывались в настоящую сагу о том, как евреи из белорусских и украинских местечек становились пахарями, виноградарями, как отец — Иосиф Выгон — постигал азы земледелия у немца-колониста и получил от него в награду породистую тёлку, ставшую потом, в голодные тридцатые годы, кормилицей, спасительницей семьи, как сюда, в приазовскую степную глухомань, приезжали выдающиеся мастера национальной культуры — писатели, артисты, музыканты, как в сельской еврейской школе учились дети разных народов, не испытывая при этом никаких комплексов, как всё это пошло прахом в 1941-м и на старые пепелища вернулись после войны только немногие.

Удивительна история о том, как реб Иосиф, отец Михаила Иосифовича, в самые жестокие времена отмечал иудейские праздники, не афишируя, но и особенно не скрываясь, как тайком приходили к нему в связи с этим единоверцы-соплеменники, равно боясь и Бога и безбожную власть...

Вот говорят иногда, что крохотный атом можно рассматривать как микродезь всей нашей солнечной системы. Так и жизнь этого степного крымского захолустья, где рядом с еврейскими сёлами были русско-ук-

раинские, татарские, немецкие, болгарские, армянские, представляется некой проекцией, отражением судьбы народа, в данном случае - еврейского народа с его стремлением, сохранив самобытность, изменить образ жизни, сосуществовать с другими верованиями, культурами, традициями, с его величайшей трагедией - Холокостом. Ведь Холокост это не только печи Освенцима и Майданека, но и противотанковый ров на виноградниках Колайского района Крыма близ деревни Майфельд, где в феврале 1942-го было расстреляно свыше 1000 евреев из окрестных сёл, из колхозов, называвшихся "Фрай лебен", "8 Марта", "Красное знамя", им. Свердлова, "Фрилинг" и других.

Я полагаю, что и сейчас, живя в другой стране, в далеком Амдоде, Михаил Иосифович Выгон с волнением вспоминает всё это. В том числе и десятилетия своей жизни в Ялте, где он, отвоёвавшись, закончив пединститут, работал учителем.

Мы теряем подчас исконное, первоначальное значение тех или иных слов. "Учитель" в высоком смысле это не просто преподаватель какого-то школьного предмета, но и наставник, "обучатель", как говорили в старину. Именно таким наставником, обучателем стал для сотен /если не тысяч/ ялтинских ребят Михаил Выгон. Обучателем не только по части грамотности и знания русской литературы, хотя это и было главным. Сама манера держаться - демократичная, но не допускающая панибратства, изначальная доброжелательность и рядом с нею - твердость /когда это было нужно/, широчайшая эрудиция и готовность не только выслушать, но и обсудить неожиданное суждение кого-либо из своих подопечных, привлекали, притягивали молодых. Учитель от Бога, можно о нем сказать.

Идти с ним по городу было истинным удовольствием. С Выгоном здоровался почти каждый второй встречный. Ученики, бывшие ученики, родители учеников... Случалось, что его учениками в разные

годы последовательно были бабушка /дедушка/, мама /или отец/ и их нынешние отпрыски.

Кончив школу, люди оставались в Ялте либо уезжали работать или учиться дальше, обзаводились семьями, делали карьеру, но неизменно сохраняли добрую память о своём "Михасе", как они называли его.

И сейчас я сталкиваюсь с этим. Люди расспрашивают о Михаиле Иосифовиче, передают ему приветы и самые добрые пожелания. Да ведь и он в своих письмах интересуется ими, радуется успехам, соболезнует несчастьям, многих вспоминает поименно.

Человек творческий стремится к самовыражению. Для учителя это прежде всего самоотдача, служение. Не просто служба в рутинном понимании, а именно служение. Его влияние на учеников и коллег было огромным. И это распространялось не только на тех, с кем он общался повседневно. Факультативы, которые проводил М.И. Выгон, привлекали ребят из других школ - двери были открыты для всех. Многие до сих пор вспоминают атмосферу поиска и духовной раскованности, царившую там.

Нелегкое дело добиться и сохранить довер^иие "племени младого, незнакомого". Выгону это удавалось. Не потому ли, что специально не стремился к этому, а просто был тем, кто он есть?

Сама его жизнь, существование в нашем городе, когда он каждое утро приходил в школу подтянутый, элегантный, красивый, создавали фон, давали пример.

Впрочем, дело не ограничивалось родной 6-й школой. Михаил Иосифович был неременным и желанным докладчиком на всекрымских педагогических конференциях, совещаниях, где не раз выступал с методическими разработками, рассказывал о своём опыте, бывшем, как теперь принято говорить, своеобразным "ноу-хау", новым словом в сложнейшей технологии учительского труда. Приглашали Выгона и

в Москву, и в Киев.

Особь статья - печатные работы, публикации. Выгону свойственно отношение к книге как к чему-то почти одушевленному. Вот были когда-то огнепоклонники, его можно отнести к "книгопоклонникам". Книга всегда занимала едва ли не главное место в жизни, в быту /забытые фолиантами стеллажи заполняли квартиру/ да и в расходах тоже.

Он и сам издал несколько книг. Мне особенно близки его изящные работы о Пушкине и Толстом в Крыму. Популярность, доступность и изложения сочетаются в них с академической строгостью. На них до сих пор ссылаются другие исследователи в своих трудах.

Тут уместно будет заметить, что работа М.И.Выгона о пребывании Льва Толстого в Крыму легла в основу документального фильма, созданного нами совместно на одной из украинских студий.

Такой человек не мог остаться в стороне и от текущего литературного процесса. Участие Выгона в нём было разнообразным: рецензии, статьи, публичные выступления. И здесь, увы, не всё проходило гладко.

Время, как всегда, было сложное. В стране развивалось демократическое правозащитное движение, которому сочувствовала немалая часть интеллигенции. Это находило отражение и в литературной жизни. Произошли поляризация, размежевание. Их олицетворяли позиции двух журналов - "Нового мира" Твардовского и "Октября", где главным редактором был Кочетов. Отголоски столичных баталий докатывались и в провинцию. Наши симпатии были на стороне преследуемого и гонимого властями "Нового мира", который пытался говорить правду о нашей жизни, ставить острые, наиболее болезненные вопросы.

Мы были на стороне Солженицына, Некрасова, Трифонова, Гроссмана, замечательных писателей, творчество которых подвергалось уничтожающей критике; мы зачитывались доходившими до нас запрет-

ными произведениями Платонова, Ахматовой, Мандельштама, Цветаевой...

Это находило отражение и в выступлениях М.И.Выгона. Я имею в виду и газетные публикации, и пользовавшиеся успехом у ялтинцев публичные выступления Михаила Иосифовича с анализом текущего литературного процесса, с обзорами журнальных и книжных новинок. То была поистине просветительская работа. Обзоры неизменно собирали многолюдную аудиторию в Доме учителя /был такой в Ялте/ и читальном зале городской библиотеки, становились заметным событием.

Не остались они без внимания и "отвечающих за идеологию" властей. На разного рода официальных собраниях, носивших охранительный характер, в газетных отчетах имя ялтинского учителя стало упоминаться наряду с другими именами в самом негативном контексте: эти люди берут-де под сомнение руководящую и направляющую роль родной коммунистической партии, провозглашают какие-то общечеловеческие ценности и вообще стоят "не на тех" позициях.

"Ну и что? - скажет, быть может, кто-нибудь сегодня. - Сейчас и не такое можно услышать".

Сейчас - пожалуй, но тогда, в 60-х, 70-х и даже в начале 80-х годов такие умонастроения преследовались. Не столь безжалостно и жестоко, как в сталинские времена, но всё же... М.И.Выгон, блестящий педагог, публицист, просветитель, общественник, стал в глазах партийных бонз и подчиненных им чиновников из ведомства народного образования личностью весьма сомнительной. К счастью, на отношении к нему коллег, учеников и просто сограждан это несколько не отразилось. Более того - недовольство и нелюбовь властей даже усилили его влияние и авторитет. Но почетные звания и награды, которые кому только не присуждались в брежневские времена, Выгона обошли стороной. В частности, "Заслуженным учителем" так и не стал. Для этого нужны были "высокие рекомендации", а кто же их строптивцу даст?

Впрочем, теперь это не имеет никакого значения — жизнь расставила свои акценты. Как писал равно почитаемый и Выгоном и мною поэт Леонид Мартинов:

Возвышенье,
Книженье,
Ветра свист зловещий...
Я смотрю без раздраженья
На такие вещи.

И далее у него:

Ведь бывало и похуже,
А потом в итоге
Оставались только лужи
На большой дороге.

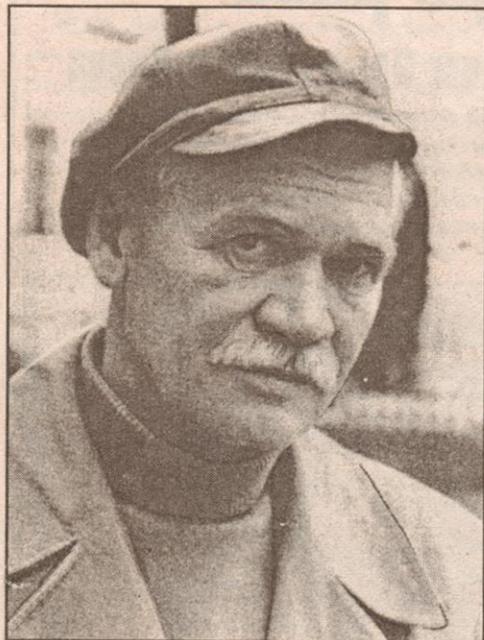
Многое из того, что казалось неизбежным, действительно существует ныне только как "лужи на большой дороге". А у моего дорогого друга — жизнь, наполненная благородными свершениями, добрыми делами. Так было в Ялте и так продолжается в средиземноморском Ашдоде, где он тоже не остается без дела.

Человеку нужны заботы и дела.

Станислав СЛАВИЧ

Неюбилейное слово о друге

Это было недавно, хотя было давно...

Я ПРИНЕС в редакцию «Курортной газеты» рецензию на сборник стихов молодого поэта. Стихи были графоманские, сборник пустой. Об этом я и написал.

За столом в отделе культуры сидел незнакомый человек с причудливой молодой Горького. Он прочитал мой опус, помолчал немного и с грустью сказал:

— Стихи, конечно, плохие, беспомощные, и книга получилась серая, не за что уцепиться. Вы правы, но... Если мы тиснем вашу разгромную рецензию, автор станет писать лучше? А он фронтовик, болеет, живет скверно. Может быть, не стоит печатать ваши заметки? По-божески будет, честное слово.

Я согласился.

Потом мы провожали друг друга несколько часов, пили терпкое молдавское вино, закусывая пирожками и малосольными огурчиками.

Так началась наша дружба в тихий сентябрьский вечер 1955 года.

Вскоре появился рассказ С. Славича «Тишина», а потом — повесть «Старик», которую поносили злобные бездари...

Квартиру Станислав Славич получил в 1961-м — на 4-м этаже: две проходные комнаты с балкончиком в гулькин нос. Первая покупка на новоселье — магнитофон. Первая лента — песни Булата Окуджавы. Мы все ее знали наизусть. Ленту из Харькова привезла неугомонная Мара.

Двери этой маленькой, неудобной квартиры никогда не закрывались. Здесь любил бывать Виктор Платонович Некрасов, здесь пел Александр Галич, каждое лето читал стихи Борис Чичибабин... Боже мой, какой удивительный список имен! Леонид Зорин и Григорий Поженян, Сергей Львов и Николай Дубов, Семен Лунгин и Анатолий Гребнев...

На огонек к Славичам приходила чудесная пара Дробязко, интеллигенты высшей пробы (сам Дробязко сделал замечательный перевод «Божественной комедии»), известный педагог и литератор Юрий Азаров, молодой Анатолий Приставкин, еврейский поэт Иосиф Керлер, узник воркутинских лагерей.

Среди добрых и верных друзей — легендарный крымский партизан Георгий Северский, простые рыбаки и водолазы, научные сотрудники-виноделы из «Магарача» и ихтологи из Керчи, чудом выжившие подпольщики и бесстрашные разведчики Черноморского флота.

Я помню своего друга в постоянном поиске. Он воюет за спасение Азовского моря, за подъем курортной целины, за сохранение уникальной природы Крыма, против варварского отношения к памятникам культуры...

Писательская судьба Станислава Славича

складывалась трудно в те неудобные памятные годы. Лучшие его книги и сегодня читаются с интересом и сомнением. Его цикл военных повестей пронизан духом суровой правды и подлинного трагизма. Его повесть «100 часов», его щемящий рассказ о герое Аджимушкая Михаиле Поважном — памятный вклад в летопись прошедшей войны. Уже тогда, 30 — 35 лет назад, Станислав Славич сумел показать, кто и как выиграл войну с фашизмом. Благородная книга «Три ялтинские зимы», выдержавшая немислимые цензурные придирки, несомненно, достойно завершает художественно-документальный цикл его книг о войне.

Но Станислав Славич — талантливый прозаик, автор повествования о Леониде Забродине (Реше), очень колоритном «герое нашего времени». Заключительная часть этого повествования «Орел и Решка, или Игра без правил», увидевшая свет в 2002 году, убедительно рассказывает о нравственном растлении бывшей нашей империи.

Перу Станислава Славича принадлежат десятки рассказов, многие из которых долгие годы лежали в столе писателя. Сейчас, когда они напечатаны, мы с удивлением открываем тонкого мастера слова, рисующего живых и очень разных героев. В этих рассказах отражен опыт жизни писателя, его мудрость беспокойного характера.

Мой дорогой друг обожает дельфинов. Он подкармливает лиседей, отклонившихся от заданного курса.

Когда мы гуляли по Царской тропе, он окликал старого ворона, который доверчиво подлетал к нам.

Он по-человечески разговаривает со своим котом.

Он совсем не старый. Он просто мудрый и щедрый человек.

Друг мой, неужели тебе 80?

Не ошибся ли старый календарь?

Ведь все это было недавно, хотя было давно.

Здоровья тебе на долгие годы!

Счастья тебе и твоей верной героической Маре!

Счастья твоему любимому сыну Алексею и его близким!

Держись, старина!

Целую,

твой Михаил ВЫГОН.

Июнь 2005 г.

Израиль.